

ХИППИ НА ДОРОГЕ!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Только посмотри на этот сброд! — сказал водитель грузовика и сплюнул в открытое окно кабины. — Да я скорее соглашусь подвезти прокаженного, чем этих уродов!

Гарри Митчелл удобно устроился на кожаном сиденье, сотрясавшемся в такт движению машины. Он переводил взгляд с одной обочины широкого шоссе на другую, рассматривая группки хиппи, которые стояли в ожидании со своими рюкзаками, картонными коробками и гитарами, пока к ним с ревом приближалась фура.

— Отребье! — продолжал водитель грузовика. — Люди будущего! — фыркнул он. — Смех, да и только! Наркоманы вонючие, за дозу перережут горло собственной матери! — Грузовик миновал трех девушек в рубашках и брючках в обтяжку. Они замахали водителю, показывая неприличные жесты. — Малолетние потаскухи! — Он снова сплюнул в окно. — Как же я рад, что у меня нет детей! Моя старуха хотела, только я сказал «нет». Мое поколение было так себе, а уж эти...

Гарри Митчелл вынул из кармана рубахи помятую пачку «Кэмела» и предложил сигарету водителю. Когда оба закурили, водитель сказал:

— Наверное, гадаешь, почему я захотел тебя подвезти. — Он бросил на Гарри проницательный взгляд,

прежде чем снова сосредоточиться на шоссе. — А я тебе скажу. Ты только что вернулся из армии. Я могу отличить того, кто служил родине... служил, как и я. Я побывал в корейской заварухе. Ты, кстати, когда вернулся?

Гарри уставился на черную асфальтовую ленту, растилавшуюся перед ними.

— Десять дней назад, — ответил он.

— Ну вот. — Водитель покивал. — Я же чую, что от тебя все еще разит армией. Нужно время, чтобы этот дух выветрился. Как тебе живется на гражданке?

Гарри пожал плечами:

— Как и всем остальным.

— Рад, что вернулся?

— Пожалуй, да.

— Ага. — Водитель понимающе кивнул. — Но ты не уверен? Вот ведь проклятая штука... эта армия. Как будто прорастает в тебя, а? Пока ты там, клянешь ее на чем свет стоит. А как вернулся, скучаешь по ней... прямо одиноким себя чувствуешь. Я знаю. Со мной такое было, когда я уволился. — Он втянул в легкие сигаретный дым и выпустил через широкие ноздри. — Что, там и впрямь так паршиво, как об этом пишут газетчики?

Гарри поерзал на сиденье.

— Самое паршивое там — тоска. — Он умолк, мысленно увидев перед собой пышущие жаром, дымящиеся рисовые поля, джунгли и заросли, грозящие засадой. Он решил, что не хочет вспоминать. Для него все в прошлом. Он отслужил свои три года. Теперь все это уже быльем поросло.

Водитель грузовика почувствовал, что этот крупный светловолосый парень сыт войной по горло, как когда-то был сыт по горло он сам, вернувшись домой. Жаль, он-то не прочь обменяться армейскими байка-

ми и услышать правдивые факты о войне, но если человек не хочет рассказывать, то не нужно на него давить.

Водитель, которого звали Сэм Бенц, перед рейсом зашел в закусочную на окраине Дейтона-Бич, чтобы перехватить сэндвич с кружечкой пива. Ему предстояла поездка в Оринджвилл, где он должен забрать груз фруктов, чтобы доставить на северный рынок. По этому маршруту он ездил дважды в неделю и начал уже его ненавидеть из-за этих человеческих отбросов, которые запруживали шоссе, двигаясь навстречу солнцу и морю и едва ли не бросаясь под колеса с требованием их подвезти.

У барной стойки сидел крупный парень лет тридцати, блондин со светлыми, настороженно глядящими глазами, с носом, слегка свернутым набок, словно когда-то ему заехали по лицу тяжелым кулаком: он ел трехэтажный сэндвич, запивая его кока-колой. Судя по его выправке, поджарой фигуре и исходившей от него уверенности, Бенц решил, что парень только что вернулся из армии.

Они разговорились, и Бенц сам предложил его подвезти, когда Гарри Митчелл обмолвился, что собирается на юг. Бенц даже не помнил, когда в последний раз брал попутчиков, однако ему понравился этот парень, он хотел поболтать с ним еще и обрадовался, когда тот принял предложение.

Ладно, решил про себя Бенц, если армейская тема исчерпана, это не значит, что больше не о чем поговорить.

— Так ты, значит, в Майами? — спросил он. — Так далеко я тебя не довезу. У меня конечная точка в Оринджвилле, оттуда до Майами еще сто десять миль.

— Я собираюсь в Парадиз-Сити, — сказал Гарри. — Знаешь такой городок?

— Никогда не бывал, но наслышан достаточно. Наверное, тебе гораздо лучше остановиться в Майами. Там демократичнее. Парадиз-Сити только для богачей. Тамошние копы не любят таких, как мы. Впрочем, может, тебя там уже ждет работа?

— Нет, но надеюсь что-нибудь найти. Мне сказали, что с началом сезона там полно разовой работы, — ответил Гарри. — А мне все равно, чем заниматься. Просто хочу погреться на солнце и подышать морским воздухом. — Он широко улыбнулся. — Ты, наверное, скажешь, что во Вьетнаме этого у меня было в избытке, но только я хочу погреться на солнце лежа и в свое удовольствие.

— Послушай моего совета, — произнес Бенц, и его мясистое лицо вдруг посерьезнело. — Когда высажу тебя в Оринджвилле, выбирай проселочные дороги и держись подальше от скоростного шоссе. Не стоит тебе пересекаться с этим отребьем. Разумеется, ты способен постоять за себя. Нам всем кажется, что мы способны, но в одиночку, как бы ты ни был крут, не справиться с восемью-девятью подонками... а они всегда держатся стаей. — Он глянул на новенький рюкзак, стоявший у ног Гарри. — Вот увидят такое и захотят отобрать. И твои наручные часы им понравятся, а уж поверь мне, когда эти подонки чего захотят, они это получают.

— Я буду осторожен, — пообещал Гарри несколько раздраженно. Он говорил с уверенностью человека, который умеет постоять за себя.

Бенц опустил тяжелую ладонь на колено Гарри.

— Одиночка вроде тебя будет там словно хромой лев среди стаи шакалов. На этом шоссе небезопасно. Мне прямо не по себе становится, как подумаю, вдруг машина сломается. Я в свое время повидал немало заварух, участвовал во многих сражениях, но меня до

чертиков пугает перспектива застрять на шоссе с заглухшим мотором. Эти малолетние ублюдки набросятся на меня и на мой груз, как саранча, и я ничем не смогу им помешать.

Выражение его лица и тон заставили Гарри внимательно на него посмотреть.

— Неужели все настолько страшно? — спросил он, проникшись словами Бенца, несмотря на всю свою уверенность.

— Именно. Это время года — чистый кошмар, когда они появляются на дороге стаями, — подтвердил Бенц, покачивая головой. — У одного моего приятеля ось полетела, и он застрял в двадцати милях от Оринджвилла. Вез груз апельсинов, как и я вожу. Когда его нашли копы, у него была сломана нога, треснуто три ребра, лицо разбито в кашу, а полтонны фруктов как корова языком слизнула. У него отняли одежду и все деньги, даже мотор на части разобрали и унесли. Мой приятель отлежал в больнице два с половиной месяца. А когда выписался, завязал с поездками. Нервы у него совсем ни к черту. Занимается теперь в гараже мелким ремонтом. Точно тебе говорю: это шоссе — гиблое место, так что держись от него подальше. — Он кивнул головой. — Вон, смотри, очередная шайка.

Пятеро молодых парней с волосами до плеч, некоторые с клочковатыми, немытыми бородами, все в хипповских брючках и просторных хлопковых балахонах не первой свежести, замахали приближавшемуся грузовику.

Когда они поняли, что грузовик не собирается тормозить, один из них, моложе всех остальных, перемахнул через поросшую травой обочину и выскочил на шоссе. В какой-то леденящий кровь миг Гарри показалось, что сейчас мальчишка окажется на бампере

грузовика, однако Бенц сумел ловко увести машину в сторону. Они оба успели рассмотреть бледное худое лицо безумца, блестящие глаза с расширенными до предела зрачками и редкую поросль волос на скошенном подбородке. Им вслед понеслись проклятья, в крышу кабины ударил булыжник и отскочил на шоссе.

— Видишь, о чем я? Эта малолетняя скотина обдолбалась до чертиков... сам не понимает, что творит. — Бенц сплюнул в окно. — Если бы по встрече ехал другой грузовик, мы бы врезались.

— Но разве полиция не патрулирует это шоссе?

— Да что с того? У нас ведь свободная страна, так? Ходить по дорогам законом не запрещено. — Бенц скорчил гримасу. — Им достаточно подождать, пока копы проедут, а потом они снова принимаются за свое.

Гарри пожал плечами. Предстоящее ему путешествие, которое он предвкушал с удовольствием, начало терять свою прелесть.

— Значит, Парадиз-Сити в сотне миль от Майами?

— Где-то так. От Оринджвилла получается примерно двести миль. Ты иди по проселочным дорогам. У меня есть карта, могу отдать ее тебе.

Спустя час, в течение которого Бенц почти без перерыва болтал о правительстве, спорте, своей жене и запуске ракеты на Луну, что лично он считал пустой тратой кучи денег, грузовик сбросил скорость и свернул со скоростного шоссе на второстепенную дорогу.

— Почти приехали, — объявил Бенц. — Мне осталось еще пару миль. А впереди твоя дорога. — Он указал на узкую грунтовку, отходившую от второстепенной дороги и петлявшую между деревьями. Он остановил машину. — Идти придется чуть дольше, но сможешь поймать попутку. Здесь ездят фермеры, только смотри в оба. На самом деле, в этих краях везде небезопасно. — Он достал из сетки над головой карту. —

Места тут красивые, правда кое-где небольшие болота, и там водятся змеи. — Он усмехнулся. — Подозреваю, тебе на них наплевать после того, где ты побывал. — Он снова протянул руку и вынул из сетки короткую битую. — Возьми. У меня есть еще одна точно такая же. Отличное мощное оружие... никогда ведь не угадаешь, вдруг понадобится.

Гарри помотал головой:

— Большое спасибо. Но мне не нужно.

— Бери, — настаивал Бенц. — Откуда тебе знать, что там нужно, а что нет. — Он сунул битую в руку Гарри. — Ну ладно, прощай... грейся там на солнышке и веселись.

Они пожали друг другу руки.

— Спасибо за все, — сказал Гарри. — Поищу тебя на обратном пути. Я не планирую оставаться дольше чем на пару месяцев.

Он спрыгнул на землю. Несколько неловко засунул битую в рюкзак и забросил рюкзак за плечи.

— Давай, — сказал Бенц, улыбаясь до ушей. — Я в рейсе по понедельникам и четвергам весь сезон. Спросишь у кого-нибудь в Оринджвилле Сэма Бенца. Тебе подскажут, где меня найти. Буду рад отвезти тебя обратно. Может, даже поговорим о твоей войне... мне же интересно.

Гарри тоже улыбнулся:

— Интереснее, чем мне. Ладно, до встречи и еще раз спасибо.

Когда грузовик тронулся с места, он помахал ему вслед и двинулся по грунтовой дороге широким размашистым шагом.

Извилистая дорога была пустынна. Гарри прошел по жаре пять миль, не встретив ни людей, ни машин. Добравшись до тенистой эвкалиптовой рощи, он свернул с дороги, уселся, привалившись к дереву спиной,

и закурил сигарету. Заглянул в карту, которую подарил ему Бенц. Его проселочная дорога петляла еще миль десять, заканчиваясь развилкой: налево возврат на скоростное шоссе, направо — маленький городок под названием Малый Оринджвилл. Проходя через городок, дорога снова тянулась по лесистой местности до следующего городка, который назывался Желтые Акры. Гарри прикинул, что до этих Желтых Акров топать примерно двадцать миль. Он решил, что там и заночует.

Гарри снова пустился в путь. После трех трудных лет на войне он был в отличной форме и полон энергии. Ему не терпелось шагать вперед.

Около часа дня он снова присел в тени дерева у дороги, съел яйцо и сэндвич с помидором, запив все нагретой водой. Он закурил сигарету и уже поднимался на ноги, чтобы двинуться дальше, когда услышал шум приближавшегося автомобиля. Поглядев направо, он увидел, как из-за поворота показалась полицейская машина и направилась в его сторону.

В машине сидели два могучих копа; водитель, заметив Гарри, прибавил газу, после чего резко затормозил рядом с ним. Дверцы распахнулись, и оба копа вышли. Тот, который вылез с пассажирской стороны, здоровяк больше шести футов ростом, с мясистым красным лицом и маленькими внимательными глазками, остановился прямо перед Гарри. Водитель, коп помладше, но такой же огромный, краснолицый и с такими же внимательными глазками, зашел ему за спину, опустив руку на кобуру пистолета.

— Ты кто и что здесь делаешь? — рявкнул старший коп.

Гарри заметил у него на рукаве сержантские нашивки.

— Просто мимо шел, — ответил он спокойно.

— Да ну? — Сержант окинул взглядом рубашку Гарри, его чистые армейские брюки с заутюженными стрелками, новые, хотя и запылившиеся полуботинки. И немного сбавил тон. — Как тебя зовут?

— Гарри Митчелл.

— Откуда ты?

— Из Нью-Йорка.

— Какие-нибудь документы имеются?

Гарри расстегнул карман рубашки и вынул военный билет, подтверждающий его увольнение из армии, водительское удостоверение и паспорт. Протянул все полицейскому.

Сержант изучил военный билет и покосился на Гарри.

— Так ты только что вернулся? Десантник, значит? — Он вдруг широко и дружелюбно улыбнулся. — Бьюсь об заклад, ты там немного повеселился, сержант.

— Это вам так кажется, — негромко проговорил Гарри. — Я бы так не сказал.

Сержант полиции вернул ему документы.

— Куда направляешься?

— В Парадиз-Сити.

— Ничего себе. Ты пешком, потому что нет выбора или просто любишь пройтись?

Добродушное выражение начало сползать с лица Гарри.

Ему наскучили эти расспросы.

— Разве это ваше дело, сержант? — спросил он, поглядев прямо в суровые глаза копа.

— Да, это мое дело. Мы задерживаем всех, кто направляется на юг без денег. У тебя есть деньги?

— Да, деньги у меня есть, двести десять долларов, — ответил Гарри, — и ходить пешком я люблю.

Сержант кивнул.

— Тебя в Парадиз-Сити ждет работа?

— Нет, но я что-нибудь найду. Я не планирую задерживаться там дольше чем на два месяца: работа ждет меня в Нью-Йорке.

Сержант снова кивнул.

— Можешь мне не верить, — произнес он уже совсем спокойным, обыденным тоном, — но в этих местах хуже и опаснее, чем на рисовых полях Вьетнама.

Гарри нетерпеливо переступил с ноги на ногу, словно человек, который остается на месте исключительно из вежливости.

— Думаете? Просто вы не были на моих рисовых полях, как вы их называете, тогда как я провел на ваших дорогах последние два дня. Мне кажется, опасности этих мест сильно преувеличены. Честное слово, меня тут ничто не пугает.

Сержант вздохнул и пожал мясистыми плечами.

— Пару часов назад, — сообщил он, — пятеро юнцов, среди них одна девушка, остановились на ферме в пяти милях отсюда. Украли трех кур и транзисторный приемник. На ферме было четверо взрослых мужчин. Они видели, как эти «дети» ловят кур, видели, как они заходят в дом и выносят приемник. Ни один из четверых мужчин ничего не предпринял. Они позволили молодым людям проделать все это, а когда те ушли, вызвали нас. И я сказал, что они поступили правильно, когда не стали мешать этим ребятам. Когда и если я их найду, то буду допрашивать с пистолетом в руке... только так с ними и можно говорить. Подозреваю, единственный способ поговорить с вьетконговцем — тоже держать пистолет в руке. Нет, я бы не сказал, что опасности этой местности преувеличены, ни в коем случае.

В голубых глазах Гарри вдруг вспыхнул гневный огонек.

— Да что такое случилось с этой страной, пока меня не было? — проговорил он, обращаясь в основном

к самому себе. — С чего вдруг взрослые мужчины стали бояться чумазых, худосочных юнцов?

Сержант склонил голову набок, глядя на Гарри.

— Все изменилось как раз за последние три года. Ты просто забыл, что у нас в стране проблема с наркотой, которая все усугубляется. Большинство молодых людей, направляющихся на юг, наркозависимые. Они действительно верят, что им море по колено. И творят то, что им и в голову бы не пришло, не будь они под кайфом. Местные это знают. Никому не хочется, чтобы его покалечили или отправили на больничную койку в разгар уборки урожая. Помни об этом, сержант. Берегись этих ребят, держись от них подальше и не пытайся геройствовать. Было бы обидно испортить себе первый за три года отпуск. Ты же не хочешь проваляться пару месяцев на больничной койке? — Он обернулся к своему напарнику. — Ладно, Джексон, едем дальше. — Кивнув Гарри, он сел в патрульную машину.

Гарри смотрел, как они отъезжают. Затем он подхватил свой рюкзак, задумчиво потирая подбородок, пожал плечами и снова зашагал по длинной пыльной дороге.

Над дорогой, считавшейся центральной улицей городка Желтые Акры, особенно выделялась неоновая вывеска, по которой бежали красные буквы, складываясь в слова:

ВКУСНАЯ ЕДА

Вывеска венчала отделанное вагонкой квадратное строение с зашторенными окнами и верандой, на которой посетители могли выпивать и закусывать, наблюдая в дневное время за жизнью города. С наступлением вечера веранду редко использовали.

Само же строение было единственным в городке баром-рестораном и принадлежало Тони Морелли, толстому жизнерадостному итальянцу. Лет двадцать назад Морелли случайно занесло в Желтые Акры, он огляделся по сторонам и решил, что этому крохотному фермерскому городишке необходим ресторан. Поскольку он старался угодить всем и каждому, умел приготовить сытную и вкусную, при этом недорогую, еду и всегда был готов выслушивать чужие жалобы, заведение его процветало. Когда его жена умерла от болезни легких, весь город явился на похороны.

Такое единодушие, как ничто другое, убедило Тони, что его не просто считают ценным членом общества, но и искренне любят. Это открытие значительно облегчило ему боль утраты. Его дочь Мария пошла по стопам матери и взяла на себя управление баром и рестораном, пока ее отец колдовал на кухне.

Сильнее всего Морелли бывал занят с одиннадцати утра до трех пополудни. Фермеры, приезжавшие в городок, заходили в ресторан, чтобы выпить и перекусить. Но около восьми вечера жизнь резко замирала. Обитатели Желтых Акров считали, что ужинать надо дома (все, как один, обожали телевизор), однако Морелли не закрывал ресторан. Он любил компанию, и если вдруг появлялся какой-нибудь транзитный пассажир или голодный дальнбойщик, у которого уже не было сил дотянуть до Оринджвилла, его ждал радушный прием.

Гарри Митчелл оказался на центральной улице около половины девятого вечера. Он немного устал, страшно проголодался и мечтал о холодном пиве. Красная неоновая вывеска заставила его ускорить шаг, он поднялся по четырем ступеням на веранду, толкнул дверь и вошел в ресторан. Остановился, оглядывая зал.

Содержание

ХИППИ НА ДОРОГЕ! <i>Перевод Е. Королевой</i>	5
СНАЙПЕР <i>Перевод В. Вебера</i>	245